

Е. Руденко, А. Баркович

КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИНАМИКИ ЛЕКСИКОНА

Пополнение лексикона и характер вновь входящих в язык слов обусловлены тремя группами факторов: собственно лингвистическими, социолингвистическими и психолингвистическими.

Под **собственно лингвистическим** фактором подразумеваются типологические черты языка, влияющие на формирование лексикона, а именно морфологический тип и связанный с ним показатель – преобладающий способ номинации.

Белорусский язык синтетический, этим обусловлен характер пополнения его лексикона. Встречается сложение (*генерал-маёр* 'генерал-майор', *землякоп* 'землекоп', *сценгазета* 'стенгазета'), в том числе сложение усеченных основ (*філфак* < *філ(алагічны) фак(ультэт)* 'филологический факультет') и аббревиация (*БДУ* < *Б(еларускі) д(зяржаўны) у(ніверсітэт)* 'Белорусский государственный университет'); конверсия (*малады* 'молодой' → 'женых'), универбация (*маторная лодка* → *маторка* 'моторная лодка', усечение (*універсітэт* → *універ* 'университет', *мабільны тэлефон* → *мабіла* 'мобильный телефон'), однако преобладающий способ номинации – аффиксация (*мяжа* 'граница' > *межаваць* 'граничить', *бязмежны* 'безграничный', *памежжа* 'пограничье').

При исследовании деривационных характеристик белорусского языка оценивались не только системные, но и функциональные показатели. Продуктивность конкретных способов номинации (в том числе и конкретных способов морфемной деривации) в том или ином языке на современном этапе его развития объективно оценивается по данным корпусной лингвистики. В частности, для современного белорусского языка такие данные были получены на основе постоянного мониторинга белорусскоязычных текстов разных стилей и жанров, цель которого – выявление слов, не зафиксированных в толковых словарях (проект

осуществлялся на протяжении 2006–2010 гг. научно-исследовательской лабораторией интеллектуальных информационных систем факультета прикладной математики Белорусского государственного университета), а также данных поисковых систем белорусскоязычного Интернета.

Первый очевидный вывод, который вытекает из анализа полного реестра слов, не зафиксированных словарями (полагаем, что это релевантно для любого языка), – это вывод о том, что большую часть новых номинаций составляют так называемые потенциальные слова. Потенциальные слова заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным моделям. Словообразовательные парадигмы имеют прогнозирующую силу. Так, если мы знаем, что в типовую словообразовательную парадигму входят слова с тем или иным деривационным значением, мы можем ожидать их появления от любого слова той или иной лексико-семантической или грамматической группировки. Далеко не все такие регулярные образования фиксируются словарями, в первую очередь, по причине их регулярности и "самоочевидности". Например, в белорусском языке названия детенышей активно создаются от любых, даже самых редких, названий животных. Вот некоторые из таких названий, не зафиксированные в толковых словарях: *аленянё* 'оленок', *арлянё* 'орленок', *аслянё* 'осленок', *бабранё* 'бобренок', *барсучанё* 'барсучонок', *ваверчанё* 'бельчонок', *важанё* 'ежонок', *драздзянё* 'птенец дрозда', *зязюлянё* 'кукушонок', *індычанё* 'индюшонок', *лягушанё* 'лягушонок', *крацянё* 'детеныш крота', *нерпянё* 'детеныш нерпы', *пацучанё* 'крысенок', *пінгвінянё* 'пингвиненок', *рачанё* 'детеныш рака', *чарапашанё* 'детеныш черепахи', *цюленянё* 'тюлененок', *шпачанё* 'скворчонок', *ястрабянё* 'птенец ястреба' – в список попали также *негрыцянё* 'негритенок' и *цыганё* 'цыганенок'.

Сравнивая типовые словообразовательные парадигмы разных частей речи и разных группировок слов в рамках одной части речи, можно выявить и сопоставить их словообразовательный потенциал. Соотносительная оценка словообразовательного потенциала разных групп слов помогает оценить относительную про-

дуктивность разных моделей, "жизнеспособность" конкурирующих наименований одного и того же явления. В рамках такого сопоставления может быть оценена распространенность дериватов с конкретными аффиксами, соотносительная употребительность разных корней в новообразованиях и т. д. Такая оценка, причем по двум параметрам: а) количество единиц, образованных по определенной словообразовательной модели; б) количество контекстов с каждым таким словом и со словами той или иной словообразовательной модели, – осуществима при наличии полного корпуса новых слов (прямого и обратного) и объемного корпуса контекстов.

Примером разной продуктивности словообразовательных моделей могут служить абстрактные существительные белорусского языка с финалями *-асць* и *-нн-е*. С суффиксом *-асць* (*-осць*) найдено 450 существительных, не зафиксированных словарями, с *-нн-е* – 1150. Такие данные коррелируют с данными о ранее закрепившихся в белорусском литературном языке лексемах: существительных с финалью *-нн-е* \approx в 2,1–2,2 раза больше, чем в суффиксом *-асць* (*-осць*). Употребительность существительных обеих моделей в текстах отличается незначительно, в то время как она существенно варьируется от одной лексемы к другой в рамках одной модели. Например, лексема *лабіраванне* 'лоббирование' встречается в корпусе белорусских текстов в 20 раз чаще, чем *дудзенне* 'дудение'.

Продуктивность словообразовательной модели по сравнению с конкурентной является немаловажным фактором в закреплении / незакреплении нового слова. Например, в белорусском языке не зафиксированных словарями глаголов на *-ць* около 1000, в то время как глаголов на *-ці* только 10, причем все они – префиксальные модификации существующих лексем.

Потенциальные слова – регулярные члены словообразовательных парадигм и цепочек – преобладают в любом языке, однако их удельный вес варьируется от языка к языку и для разных частей речи в одном языке. Например, практически все новые белорусские наречия с суффиксом *-а* – это регулярные производные

соответствующих прилагательных (*вынікова* – *выніковы* 'результативный' и др.).

Для не зафиксированных в словарях белорусских глаголов (их найдено около 1000) характерна иная картина. Дело в том, что семантика глагола синтетических языков демонстрирует уникальное, в сравнении с другими частями речи, соотношение между лексическим и грамматическим значением: вербализация потенциальных членов глагольных цепочек – это, в первую очередь, аффиксальные образования, которые изменяют и лексическое, и грамматическое значение глагола, – речь идет о категориях вида и залога. Такие аффиксальные дериваты уже существующих глаголов составляют 4/5 общего числа (*сёрбаць* 'хлебать' – *адсёрбаць*, *адсёрбваць*, *дасёрбаць*, *дасёрбваць*; *заправіць* 'заправить' – *дазаправіць*, *дазаправіцца* и под.).

Остальные 200 не зафиксированных в толковых словарях белорусских глаголов – новообразования в собственном смысле этого слова. Из этих двухсот 60 составляют заимствования (в том числе кальки): многие из них интернационализмы – *ініцыіраваць* 'инициировать', *крэміраваць* 'кремировать' и под. Еще 85 – образования от заимствованных (интернациональных) корней или слов (*рэпарцёрстваваць* 'репортерствовать', *старнаваць* 'сторнировать' и под.) и 50 – собственные образования (*ведзьмаваць* 'быть ведьмой', *спаталяць* 'утолять' и др.). Таким образом, если судить по удельному весу заимствований среди новых глаголов, белорусский язык на современном этапе развития открыт для влияний извне и абсолютно не склонен к пуризму.

Еще один фактор, обуславливающий характер номинации в языке, – **социолингвистический**. Некоторые социальные и социолингвистические процессы, как-то: глобализация, развитие новых технологий и появление связанных с ними новых реалий, экспансия английского языка – релевантны для большинства современных обществ и используемых ими языков. Специфика влияния социальных условий на развитие того или иного языка – во взаимодействии между соседствующими языками, между языками и языковыми образованиями внутри социума.

Для белорусского языка специфическим социолингвистическим фактором, обуславливающим направление и характер изменения лексикона, является взаимоотношение с русским и, в меньшей степени, с польским языком. Как известно, в Беларуси два государственных языка – близкородственные белорусский и русский. Не затрагивая проблем языковой ситуации в Беларуси (характер белорусского двуязычия, наличие "трасянки" – русско-белорусского смешанного подязыка и под.), коснемся лишь аспектов, связанных с номинацией. Генеалогической, ареальной и типологической близостью белорусского и русского языков обусловлено наличие значительного общего лексического фонда, который постоянно пополняется. Например, 20 новых заимствованных глаголов-интернационализмов белорусского языка – общие с русскими (бел. *курыраваць* – рус. *курировать* и др.), еще 30 прямо заимствованы из русского (бел. *прапахваць* < рус. *пропахивать*); из 85 дериватов от заимствованных интернациональных корней и слов 70 – общие с русскими (бел. *(ад)ксерыць* – рус. *(от)ксерить* 'сделать копию' < бел. *ксеракс* – рус. *ксерокс* 'копировальная машина' ← *Xerox* и др.); из 50 новых глаголов, образованных на базе собственных средств, 15 общих с русским языком (бел. *выцыганіць* – рус. *выцыганить* 'выпросить' < *цыган* и др.).

Русский язык – язык соседнего сильного государства – в Беларуси занимает доминирующую позицию в наиболее важных и влиятельных сферах употребления. В силу этого в белорусском языке многочисленны прямые заимствования (30) и кальки (10 из 200 неологизмов-глаголов) из русского, как, например, бел. *задзейнічаць* – калька рус. *действовать*.

Психолингвистический фактор, обуславливающий характер развития лексикона (он, по-видимому, всегда идиозотничен), – это способ осмысления коллективным сознанием носителей языка социолингвистических условий его функционирования. Для носителей белорусского языка эти условия реализуются в разнонаправленных психолингвистических процессах: 1) влияние русского языка на механизмы словотворчества; 2) отталкивание от русского языка при создании новых лексем.

(1) Помимо прямых заимствований и калек влияние русского языка проявляется в:

1.1. новых словообразовательных вариантах уже существующих в белорусском языке слов – такие варианты порождаются по русским словообразовательным моделям или прямо заимствуются из русского языка; таково, например, новообразование *апеліраваць* 'апеллировать' (ср. рус. *апеллировать*) в сравнении с уже существующим *апеляваць*; *браканьєрстваваць* (ср. рус. *браконьерствовать*) – бел. литерат. *браканьєрыць* и под.

1.2. новых значений уже существующих в белорусском языке слов или их дериватов, например *загваздаць* 'выпачкать', ср. рус. *изгвоздать* 'выпачкать', в то время как бел. *гваздаць* имеет только значение 'с силой бить, ударять'.

1.3. В силу того что русский язык часто служит образцом для создания аналогичных слов в белорусском языке, в силу активного заимствования и калькирования русских слов, а также того, что новые слова часто полностью совпадают или очень похожи в обоих языках, даже новообразования с иноязычными (не русскими) корнями и формантами производят впечатление русскоязычного влияния. Например, о многих дериватах от заимствований невозможно сказать, пришли ли они в белорусский язык из русского или появились одновременно как элемент общего фонда.

(2) Осознание факта сосуществования двух близких, но разных языков на одной территории приводит к стремлению развести их и, соответственно, отдалить порождаемые белорусские лексемы от номинативного фонда русского языка. Это проявляется в:

2.1. заимствовании слов, отличных от общих с русскими или заимствованных из русского языка (бел. литерат. *папка* – нов. *тэчка*, из польск.; бел. литерат. *пажар* – нов. *пажэжа*, из укр.);

2.2. новых словах, порождаемых с иными словообразовательными формантами, чем их соответствия в русском языке, см., например, новообразование *клікушнічаць* 'кликнуть' < бел. *клікуша*, ср. рус. *кликнуть* < *кликша*.

2.3. В пуристические процессы расподобления могут быть вовлечены целые словообразовательные модели. Именно этим

вызвана, в например, активность образования прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*) в сравнении с образованием прилагательных с суффиксом *-н-*. Многие белорусские нормативные прилагательные с *-н-*, если они соответствуют русским прилагательным, заменяются словообразовательными вариантами – однокоренными прилагательными с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*): *авангардовы* – *авангардны* 'авангардный', *быццёвы* – *быцыйны* 'бытийный', *варыянтавы* – *варыянтны* 'вариантный', *моладзевы* – *маладзёжны* 'молодежный', *нармалёвы* – *нармальны* 'нормальный' и под. При помощи суффикса *-ав-* активно образуются новые слова: *адпачынкавы* 'отпускной', *натоўпавы* 'присущий толпе', *паводзінавы* 'поведенческий', *справавы* 'деловой', *наўпроставы* 'прямолинейный' и под. Несмотря на рост продуктивности суффикса *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*), значительная часть прилагательных продолжает образовываться при помощи суффикса *-н-*: *гарбатны* 'чайный', *радыёны* 'радиационный', *адрозны* 'отличный, иной', *заўважны* 'приметный' и др.

Новых прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*) более 600, а прилагательных с суффиксом *-н-* в пять раз больше, что вызвано относительно "молодой" сверхпродуктивностью суффикса *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*) в сравнении с устоявшейся употребительностью суффикса *-н-*. Корпус текстов позволяет сопоставить употребительность новообразований типа *спартовы* и соответствующих литературных вариантов типа *спартыўны* 'спортивный'. Суффикс *-н-* безусловно употребительнее: в зависимости от стиля и типа издания от нескольких до десятков раз.

Рассмотренные разнонаправленные тенденции приводят к одному результату – расшатыванию нормы и возрастанию вариативности. Это проявляется и в дублетности словообразовательных средств (ср. множество параллельных образований с суффиксами *-ава-/ірава-*), и в возникновении нескольких конкурентных калек (ср. новообразование *ухіліць* 'устранить' с более ранним *устараніць*), и просто в лексическом и деривационном варьировании (*пляткарыць/плеткаваць* 'сплетничать'), прямо не связанном с проанализированными выше факторами.